

Наталья Володина

Словоформа "новые люди" в русском художественном сознании

Studia Rossica Posnaniensia 31, 9-17

2003

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

СЛОВОФОРМА „НОВЫЕ ЛЮДИ” В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

“NEW PEOPLE” WORD COMBINATION IN RUSSIAN LITERARY AWARENESS

НАТАЛЬЯ ВОЛОДИНА

ABSTRACT. The “new people” word combination first appeared in the early Russian literature. It dates back particularly to the 12th century *The Tale of Time Chronology* literary works. It came as a characteristic feature of people who experienced the spirit of renewal due to the adoption of Christianity in Rus. The 19th century became the next step in the development of “new people” category. They appeared in 1860s and did not belong to Russian nobility. Later they were described by Nikolay Chernyshevsky in his *What to do?* novel. “New people” were a sort of a caste which possessed its own morale and principles. The idea got even more significance in the 20th century in Maxim Gorky’s *The mother* novel and the poetry of Mayakovsky. They tried to find a new connection or a parallel between October Revolution and the baptism of Vladimirskaia Rus.

Наталья Володина, Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия.

В меняющейся картине мира есть моменты парадоксальных типологических сближений абсолютно далеких друг от друга исторических и культурных ситуаций. Их общность, как правило, закреплена словом (словесной характеристикой) и выявлена через него. К таким устойчивым номинациям принадлежит словосочетание „новые люди”. Впервые оно появилось в древнерусской литературе, в письменном памятнике XII века, имевшем фундаментальное значение для всей литературы русского Средневековья, – *Повести временных лет*. Центральным событием, определившим ход русской истории, с точки зрения автора, является рассказ о крещении Руси киевским князем Владимиром Святославичем. Участием в этом событии и объясняется авторское отношение к герою, его идеализация. Не случайно, рассказывая о смерти Владимира, Нестор сравнивает его с „новым Константином великого Рима”¹, комментируя это следующим образом: „как тот крестился сам и людей своих

¹ *Древнерусская литература*, Москва 1993, с. 55.

крестил, так и этот поступил подобно тому”². Русские, обращенные в христианство, воспринимаются князем Владимиром как „новые люди”: именно в его сознании впервые возникает такая параллель. Описав сам момент крещения киевлян в Днепре царицынскими и корсунскими священниками, Нестор приводит речь князя. По смыслу это, скорее, внутренняя речь, но произнесенная вслух и построенная по всем правилам византийского ораторского искусства, что придает особую торжественность ситуации: „Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: «Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих, и дай им, Господи, познать тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны»”³. Позднее словосочетание „новые люди” появится уже в авторской речи как авторская характеристика. Повествуя о смерти князя Владимира и определяя его значение для духовной истории Руси, Нестор заключает: „Вот почему его чтут русские люди, вспоминая святое крещение, и прославляют Бога молитвами, песнями и псалмами, воспевая их Господу, новые люди, просвещенные святым духом”⁴. Итак, „новые люди” в сознании летописца XII века – это люди, изменившиеся нравственно, духовно; не случайно метафорой такого обновления станет „свет”: „просвещенные святым духом” (в XVIII веке смысловые акценты Просвещения окажутся совершенно иными).

Подобная оценка христианизации Руси и „новых людей” прочно войдет в русскую средневековую литературу. Митрополит Илларион, первый русский митрополит, начинает свое *Слово о Законе и Благодати* с прославления христианства и князя Владимира, принявшего эту религию для Руси: „Благословен Господь, Бог израилев, Бог христианский за то, что посетил и дал избавление людям своим, ...вводя их евангелием и крещением в обновление, в возрождение, в жизнь вечную”⁵. Важно, в каком ряду, в каком смысловом контексте появляется слово „обновление”: возрождение и жизнь вечная. Все *Слово* Иллариона построено на противопоставлении Ветхого и Нового Завета, Благодати; ветхозаветного и нового человека. Структура такой оппозиции сохранится в русской литературе, как и общественном сознании, и позднее, но содержание ее, естественно, будет иным.

Номинация „новые люди” станет вновь актуальной в начале XVIII века, в Петровскую эпоху. Реформы, проведенные Петром I, не только изменили бытовой уклад русской жизни, ее экономику, культуру, но и оказали огромное воздействие на мировосприятие, внутренний и внешний облик, поведение человека. Показательно, что в драматургии XVIII века актуализируется образ князя Владимира (Ф. Прокопович, М. Херасков и др.), причем в определенном

² Там же.

³ Там же, с. 52.

⁴ Там же, с. 56.

⁵ Там же, с. 114.

смысловом аспекте. Так, Ф. Прокопович в трагикомедии *Владимир* проводит параллель между Петром и князем Владимиром, сравнивая масштаб их деяний. Поэт А.Д. Кантемир прямо связывает появление новых людей с проведенными в стране реформами. В своей второй сатире, *На зависть и гордость дворян злонаправных. Филарет и Евгений*, автор говорит устами положительного героя, Филарета, о лучших своих современниках:

Мудры не спускает с рук указы Петровы,
Коими стали мы вдруг народ уже новый⁶.

Филарет по сути приравнивает это новое поколение людей тому, формирование которого совпало со временем принятия христианства, доказывая его право на почетное место в истории:

Они ведь собою
Начинают знатный род, как твой род начали
Твои предки, когда Русь греки крестить стали⁷.

Филарет (в переводе с греческого – любитель добродетели) обращается к Евгению (благородный, дворянин): их имена в своем первоначальном значении оказываются здесь, в соответствии с законами классицизма, характерологическими. Сатира построена как диалог этих героев, но это диалог во многом формальный, т. к. основной текст принадлежит Филарету; и в своих аргументах он, безусловно, сильнее своего оппонента. Критикуя образ жизни Евгения, его притязания на те же привилегии, которыми пользовались его знатные предки, Филарет создает образ того „нового человека”, который является, в его глазах, воплощением прогрессивных идей Петровской эпохи. Это истинный гражданин, сын отечества, стремящийся быть полезным государству в военной или гражданской службе (таков, например, герой повести Петровской эпохи Василий Кориотский); образованный и честный человек. Если для литературы Древней Руси отличительным свойством „новых людей” было духовно-нравственное обновление, которое и определяло поведение человека, то для литературы начала XVIII века главным становится обновление его сознания, убеждений, что непосредственно проявляется в конкретной сфере деятельности. Неслучайно в это время возникает антитеза, как отмечает Ю.М. Лотман, „слепой веры и пытливой мысли, государства церковного и новой светской «регулярной» государственности”⁸. Изображение нового человека связано и с влиянием на русских писателей XVIII века идеологии персонализма, столь характерной для европейской культуры, с ее признанием исключительной роли разума и свободной воли.

⁶ А. Кантемир, *Собрание стихотворения*, Москва 1956, с. 75.

⁷ Там же.

⁸ Ю.М. Лотман, *О русской литературе*. В: *Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы*, Санкт-Петербург 1997, с. 120.

Следующим этапом в развитии категории „новые люди” является середина XIX века, когда характерным типом эпохи становится разночинец-шестидесятник. В массовом сознании он ассоциируется прежде всего с романом Н.Г. Чернышевского *Что делать?* (1863), имеющим подзаголовок: *из рассказов о новых людях*. Чернышевский изображает в романе эпоху 1860-х годов, вошедшую в историю как переломный момент в русской общественной жизни. С одной стороны, с ней связаны великие реформы, проведенные в правление Александра II, с другой, – резкая активизация революционных настроений. Выражением этих настроений и стал, как известно, роман Чернышевского. Сам автор его знаменем времени считал появление „новых людей”. В предшествующие периоды русской истории их возникновение (так объясняла это литература) было связано с конкретным событием исключительной исторической и культурной значимости. Роман Чернышевского изображает иную ситуацию, когда ожидаемое событие, народная революция – мечта автора (в конечном итоге, оказавшаяся иллюзией). Таким образом, если два предшествующих этапа истории (крещение Руси и Петровские реформы) имели своим следствием формирование „новых людей”, и литература запечатлела свершившийся факт, то роман Чернышевского изображает людей, которые должны подготовить некое историческое действие. В романе *Что делать?* изменились не только причинно-следственные отношения в мотивировке возникновения новых людей; изменился сам объем этого понятия. Для древнерусской литературы и литературы XVIII века „новые люди” – это нация в целом. В романе Чернышевского „новые люди” – это своего рода каста, со своим „уставом”, правилами и законами; не случайно автор так много рассуждает о ее количественном составе и надеется на появление в ней новых членов. Именно поэтому Чернышевскому легко определить отличительные особенности людей, ее составляющих. Он подчеркнуто отказывается в своих рассуждениях (не в повествовании о судьбе конкретных героев) от идеи индивидуализации, выявляя общее, выстраивая тип нового человека. Что же оказывается для автора главным в этом типе? Уверенность в себе, здравый смысл, „разумный” эгоизм, постоянный труд, приносящий пользу обществу и внутреннее удовлетворение самому себе; наконец, способность устроить свою жизнь в точном соответствии с намеченной программой. Не случайно „по образцу”, предложенному литературным произведением, создавались мастерские, организовывались коммуны, выстраивались реальные человеческие судьбы и отношения. Однако они заканчивались крахом не только в антинигилистических романах, но и в жизни (тому есть множество документальных свидетельств). При этом неприятие романа Чернышевского (он вызвал уже у современников полярную реакцию) было связано не только с тем, что желаемое автор выдавал за действительность, не только с революционной идеей произведения, но и с самим типом „нового” человека. „Этот тип довольно скудный, – приходит к характерному заключению Н.Н. Страхов, – ...нет в нем теплоты, нет полноты че-

ловеческих чувств”⁹. Действительно, голос разума оказывается у „новых людей” Чернышевского еще более сильным, чем у героев просветительской литературы. Они способны проанализировать все, даже самые непостижимые чувства (характерным примером является разговор Веры Павловны со своим вторым мужем, Кирсановым, о том, за что они любят друг друга). Но именно в области чувств „новые люди” наиболее уязвимы. Любовь становится у них оборотной стороной эгоизма, сочувствие – предрассудком („жалость – это сапоги всмятку”). Важнейшие идеи христианства: бессмертие души и др., как и вопросы общефилософского характера, – никогда не являются предметом их обсуждения. Примечательно, что священнику Мерцалову отведена здесь роль специалиста, читающего лекции по истории для девушек из мастерской Веры Павловны и „щита благонравия”. Лопухов, Кирсанов, Вера Павловна – это, с точки зрения автора, обыкновенные „новые люди”; однако он рисует и „особенного человека” – Рахметова. Это прежде всего человек идеи, причем, политической, революционной идеи. Кроме того, все характерные свойства „новых людей” в нем гипертрофированы: Рахметов отличается предельным аскетизмом. Его облик отчасти напоминает портрет Добролюбова в стихотворении Н.А. Некрасова, посвященном памяти известного критика и публициста 1860-х годов. Доминанта этого образа задана двумя первыми строками стихотворения:

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять...

Добролюбов, действительно, умел это делать, но давалось ему это умение нелегко, о чем свидетельствуют его дневники, стихи и даже литературная критика (статья о Н.В. Станкевиче). Современники, соратники (Некрасов, Чернышевский), искренне ценя Добролюбова и оплакивая его раннюю кончину, в чем-то мифологизировали его облик, невольно упростив реальную сложность его личности. Это упрощение есть и в романе Чернышевского, где духовный мир Рахметова остается практически не раскрытым. Отчасти это связано с эзоповским языком романа, невозможностью говорить о революционной деятельности героя. Однако многочисленные намеки на эту деятельность не привносят в образ Рахметова жизненной полноты. Тем не менее сам тип „особенного человека”, контурно обозначенный Чернышевским в одной главе, позднее вновь появится в литературе, и уже крупным планом. Чернышевский сам высказывал на это надежду в одном из многочисленных авторских отступлений-обобщений: „Недавно родился этот тип и быстро размножается. Он рожден временем, он знамение времени, и, сказать ли? – он исчезнет вместе со своим временем, недолгим временем... И пройдут года, и скажут люди: «После них стало лучше; но все-таки осталось плохо». И когда скажут это, значит, пришло время возродиться этому типу, и он возродится

⁹ „Библиотека для чтения” 1865, № 3, с. 165.

в более многочисленных людях, в лучших формах, потому что тогда всего хорошего будет больше и все хорошее будет лучше; и опять та же история в новом виде”¹⁰. Чернышевский совершенно точно спрогнозировал новое появление в истории того общественного типа, который займет ведущее место в литературе социалистического реализма. Идеологическим и эстетическим ориентиром для этой литературы станет роман А.М. Горького *Мать*.

Роман буквально пронизан мотивом обновления жизни, который связан с Павлом Власовым и его товарищами. Идея, возникшая в сознании шестидесятников XIX века, разворачивается теперь в идеологию целого класса – пролетариата. Главная героиня произведения, мать Павла – Пелагея Ниловна, говорит в одной из заключительных сцен романа: „Миром идут дети! ...по всей земле, все, отовсюду – к одному! Идут лучшие сердца, честного ума люди, наступают неуклонно на все злое, идут, топчут ложь крепкими ногами... Новое солнце зажжем, говорил мне один, и – зажгут!”¹¹. В словах Ниловны, молодой, малограмотной женщины, которая говорит, как опытный оратор, возникает гиперболический образ нового поколения людей, объединенных, прежде всего, общей идеей, общим делом. Эта идея для них столь сильна, что становится своего рода новой религией: такие ассоциации постоянно возникают в романе. Так, Андрей Находка, рассуждая о пролетарском интернационализме, заканчивает словами молитвы: „...и кто бы он ни был, как бы ни называл себя, социалист – наш брат по духу всегда, ныне и присно и во веки веков!”¹². Во время первомайской демонстрации, обращаясь к народу, он же произносит: „Мы пошли теперь крестным ходом во имя Бога нового, Бога света и правды, Бога разума и добра!”¹³. Причем, эта новая религия заменяет для героев романа традиционную веру. Отчетливее всего этот процесс заметен в Ниловне. Ее религиозность, по мере приобщения к делу сына, явно ослабевает: она стала меньше молиться; но, обращаясь к толпе во время демонстрации, она вспоминает слова забытых молитв и „бросает” их из своего сердца. Итак, ситуация типологически напоминает тот великий момент русской истории, когда христианство обратило людей к новой вере и изменило их взгляд на мир и человека. Но по своей культурообразующей функции она иная; скорее отсылающая к роману Чернышевского *Что делать?* „Новыми людьми” здесь вновь оказываются не народ и нация в целом, а определенная общественная группа. Если герои литературы раннего средневековья – это люди новой нравственности, Петровской эпохи – новых общекультурных представлений, то „новые люди” Чернышевского и Горького объединены новой идеологией. И в том, и в другом произведении она излагается почти декларативно, риторически, хотя у Горького более откровенно (ему уже нет

¹⁰ Н.Г. Чернышевский, *Что делать?* Ленинград 1975, с. 149.

¹¹ М. Горький, *Полное собрание сочинений в 25 тт.*, т. 8, Москва 1970, с. 338.

¹² Там же, с. 37.

¹³ Там же, с. 153.

необходимости зашифровывать революционную идею) и с романтическим пафосом. В романе *Мать* постоянно появляются программные речи героев: Павла, Андрея, Ниловны и других, в которых развертывается целая система социалистических взглядов и идей. Это именно программные политические речи, включающие в себя лозунги, произнесенные публично, адресованные широкой аудитории: на демонстрации, на суде, во время ареста на вокзале и пр. Одна из центральных идей этих выступлений – уничтожение старого мира и создание нового. Персонажи романа *Мать* почти дословно, только более развернуто, повторяют строки *Интернационала*, ставшего позднее партийным гимном:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем!

Заметим, что в тексте оригинала, на французском языке, нет слова „новый”, хотя и звучит близкая мысль. Таким образом, впервые „новый человек” претендует на создание нового мира, а идея его основания будет отчетливо соседствовать с убеждением в необходимости уничтожения мира старого; оппозиция окажется доведена до непримиримого конфликта. И если для шестидесятников XIX века путь к любви пролегал через разумный эгоизм, то для революционеров начала XX века – через ненависть. Мягкий и добрый по природе человек, Андрей Находка говорит: „Приходится ненавидеть человека, чтобы скорее наступило время, когда можно будет только любоваться людьми. Нужно уничтожить того, кто мешает ходу жизни...”¹⁴. И хотя герои романа не воплощают эту идею в жизнь (если не считать убийство предателя Исаея), само ее возникновение – знамение времени. Восприятие революционной идеологии как новой веры характерно для тех русских писателей, поэтов, которые приняли революцию, увидев в ней обновляющую мир стихию. В. Маяковский начинает стихотворение *Мы идем* (1918) с характерного заявления: „Кто вы? / Мы / Разносчики новой веры”¹⁵. Персонифицируя революцию, он тоже, как и Горький, демонстрирует ее разрушительно-созидательный характер: „Революция / отшвырнула / тех, кто / рушащееся / оплакивал тысячью родов, / ибо знает: / новый грядет архитектор – / это мы, иллюминаторы завтрашних городов”¹⁶. А романтическая увлеченность Маяковского вождем революции, Лениным, позволяет поэту сравнивать его с князем Владимиром – крестителем Руси (стихотворение *Киев*): „Не святой уже – / другой, земной Владимир / крестит нас / железом и огнем декретов”¹⁷. В стихах

¹⁴ Там же, с. 127.

¹⁵ В. Маяковский, *Полное собрание сочинений в 13 тт.*, т. 2, Москва 1956, с. 30.

¹⁶ Там же, с. 31.

¹⁷ Там же, т. 6, с. 11.

Маяковского появится и новый человек – строитель социалистического государства. Искренней верой поэта в такого человека проникнуто все его послеоктябрьское творчество, которое обрывается 1930-м годом. Однако рядом с этим магистральным значением номинации „новые люди” уже в 1930 годы возникало и другое отношение к данной константе – ироническое. Характерный пример в этом смысле – творчество М. Зощенко. Один из его рассказов называется *Новый человек*. Главный герой его, делопроизводитель нюхательного треста Игорь Владимирович Козьепупов, ревнует жену, у которой в соседней комнате уже два часа сидит „какой-то товарищ Ручкин. Машенькин сослуживец”. Козьепупов боится себе признаться в совершенно нормальном в этой ситуации чувстве ревности и уговаривает себя следующим образом:

Сидит, – думает Козьепупов. – Пускай сидит. Мне от этого ни холодно, ни жарко... Я все-таки новый человек. Современный человек. Так сказать – дитя своего века... Другой муж в три шеи погнал бы этого чертова Ручкина. А я – пожалуйста. Сиди, говори, что хочешь, шепчись... Замыкайся на все запоры... Целуйся... Шут с вами – мне все равно. Я новый человек. Человек новой эпохи¹⁸.

В конечном итоге „новый человек” все-таки спускает гостя жены с лестницы. Ироническое переосмысление характеристики „новый человек” связано здесь с изображением бытовой ситуации. В то же время ирония, даже сатира могла быть направлена и на саму идею, им руководившую, как это произошло в творчестве М. Булгакова (*Собачье сердце* и др.).

Словоформа „новые люди” как характерный признак времени надолго уйдет из литературы и соответственно – массового сознания. Однако в 1990-е годы данная константа возродилась в новом варианте – „новые русские”. Скорее всего, эта характеристика родилась не в России, где было бы странным называть себя по национальному признаку, а в чужой языковой среде (возможно, это калька с американского английского). Главным признаком таких людей становится капитал и, благодаря ему, тот образ жизни, который не может себе позволить большинство населения России. Это одна из причин негативного отношения к ним, независимо от того, каким путем этот капитал получен: честным трудом или махинациями государственного масштаба. Их появление противоречит тому идеалу всеобщего равенства (прежде всего, социального), который складывался в нашей стране на протяжении почти всего XX века. Собственно говоря, эта традиция наметилась еще в XIX веке, в русской классической литературе, поэтизированной тип „лишнего человека”, но с недоверием воспринимавшей любую предпринимательскую деятельность (частный пример – изображение купечества). Сегодня в массовом сознании нет дифференциации этого явления современной жизни. „Новый русский” – это человек, нечестным путем наживший состояние, лишенный каких-либо моральных принципов, внутренне ограниченный, бездуховный. Не

¹⁸ М. Зощенко, *Рассказы и повести*, Ашхабад 1988, с. 25.

случайно основные тексты, закрепившие данное понятие, – анекдоты. Попытку создать „положительный” образ „нового русского” предпринял кинематограф; однако и он почти не вторгается в сферу деятельности этих людей, ограничиваясь изображением их частной жизни. Литература в этом плане оказывается еще более осторожной; кроме того, слишком неопределенным, неоднозначным является тип человека, названный „новым русским”. Как будет складываться его историческая и литературная судьба – покажет будущее.